

Почему именно Грузия?

Кто бы мог подумать лет двадцать пять назад, что выбор Грузии в качестве страны для отдыха будет гораздо более экзотическим, чем, скажем, Таиланда или Турции.

Впрочем, тогда, «в той жизни», ездили всё-таки на Черноморское побережье. А мы на море ехать не собирались.

В качестве претендентов рассматривались и другие страны. Но при ближайшем рассмотрении или поездка стоила очень дорого (прямо скажем, неприятно дорого), или сентябрь был неподходящим сезоном для визита, или было слишком далеко лететь.

А Грузия... Данелия-Кикабидзе-Брегвадзе-Гвердцители... Грузинские фильмы, грузинское вино, грузинские песни... Грузия, казалось нам, очень романтичная страна. «Вы даже не представляете, насколько романтичная», – сказали наши друзья, которые были там на горнолыжном курорте. (И они были правы).

Но были и другие мнения.

«В Грузию? А почему сразу не в Донбасс?» – это на фоне текущей войны на Украине.

А мой знакомый таксист сказал: «Неужели вам не страшно? Они же там все дикие, чуть что – нож вытаскивают. Я знаю, я чеченцев видел.»

Смешно.

А всё-таки были кое-какие опасения – наши СМИ постарались с формированием образа врага, убеждая нас в том, что грузины здорово не любят русских.

Но в последнее время и президент в Грузии поменялся, и в связи с украинской войной про вражду с Грузией как-то подзабыли. Вовсю рекламируют «Боржоми», а в магазинах появилось грузинское вино.

Вот только наши туристические агентства пока что с грузинскими не сотрудничают. Япония – пожалуйста, Арабские Эмираты – да ради бога, Гонконг – милости просим. А вот Грузия, извините, – «нестабильный регион». Именно так был сформулирован отказ нашего агентства работать в этом направлении. А у нас уже были куплены билеты.

Тогда я полезла в Интернет и наткнулась на очень профессиональный сайт с детальной и подробной информацией о Грузии. Пользуясь ей, можно было вполне путешествовать самостоятельно. Автор, кстати, предупредил, что сейчас развелось очень много гидов-кустарей, которые берутся за сопровождение туристов без всякой специальной подготовки. «Если ваш проводник не знает, что такое тетраконх или откуда взялось название Нарикала, можете смело его дисквалифицировать».

Но ещё было сказано, что если в Тбилиси, скажем, можно провести время без экскурсовода, то в горах проводник просто необходим.

И я написала приятелям в разные страны с просьбой помочь найти контакты в Грузии. Откликнулся наш израильский друг Паша, только что вернувшийся из Грузии. Он дал адрес человека по имени Коба, который был его проводником.

Я обратилась к Кобе с просьбой устроить нам экскурсию по Сванетии (Паша сказал, что всякие Боржоми-Кутаиси – это фигня; ехать нужно в Сванетию). А уж остальное, написала я, мы как-нибудь сами.

Однако Коба сказал, что составит нам полную программу на весь отпуск. И я не стала спорить. Написала, сколько нам лет и что нас интересует.

Программа, составленная им, подробно описывала каждый день с точностью чуть ли не до часа, и названия в ней звучали, как песня. И всё это (вместе с гостиницами, питанием, топливом для машины) стоило безумно дёшево – не то что по европейским, но даже по российским меркам.

Насколько идеально была составлена эта программа, мы смогли оценить, уже вернувшись домой. С учётом наших интересов и физических возможностей. С балансом поездок, походов и отдыха.

И если Коба и не рассказывал про тетраконх, то и бог с ним, с тетраконхом.

Тбилиси, 31 августа

Итак, наш самолёт прибывает в Тбилиси из Москвы в три часа дня. В аэропорту нас должен встретить Заза – Коба написал, что это его друг и что именно он будет возить нас по Грузии. А с самим Кобой мы встретимся в Сванетии, уже во второй половине путешествия.

Паспортный контроль прошли быстро и без приключений – визы для российских граждан пока не требуется.

Аэропорт показался нам маленьким и провинциальным, особенно после домодедовского размаха и суеты. Надписи, что удивило и порадовало, дублированы и на английский, и на русский язык.

По телефону созваниваемся с Зазой, и через десять минут появляется он сам – добродушного вида мужчина лет сорока пяти, совсем не похожий на стереотипный типаж жгучего брюнета-кавказца. У него праворульный минивэн, в который он бодро грузит наши чемоданы.

По пути знакомимся. У Зазы семья: жена, сын, дочь, невестка и двое внуков. Он с гордостью говорит: «Я – молодой дедушка!» И его лицо расплывается в нежной мечтательной улыбке.

С помощью Зазы меняем деньги на местную валюту – лари. Получаем от него местную сим-карту. Потом Заза довозит нас до отеля и прощается до завтра. Завтра мы выезжаем в восемь утра.

Коба заказал нам все гостиницы по пути, кроме отеля в Тбилиси; это мы должны были сделать сами. Я, не зная города и не представляя, где у него центр, выбрала отель по названию: «Бутик Руставели». Полагая, что в Грузии именем Руставели что попало не назовут.

Адрес отеля – проспект Руставели, но он располагается в подъезде жилого дома, со входом из внутреннего квадратного дворика. Нам отель понравился – маленький и уютный. Всё, что надо, есть – постель, душ, а главное – кондиционер. В Тбилиси около 35 градусов, и даже к концу ночи жара не спадает.

В плане, составленном Кобой, времени на Тбилиси нет вообще – разве что сегодняшний вечер, да полдня перед отлётом.

Поэтому нечего нежиться под кондиционером, надо смотреть город, пока не стемнело. Куда пойдём? Конечно, к крепости Нарикала. В известной песне про Тбилиси поётся:

«И Нарикала здесь стоит,
Как память прежних тяжких дней,
Твою главу венчая сединой...»

Туда, как я читала, можно подняться по новой канатной дороге. Вот туда мы и направимся. Сначала по проспекту Руставели до площади Свободы, посередине которой стоит колонна со статуей Георгия Победоносца, поражающего копьём дракона.

Потом пробегаем еще пару улиц и оказываемся на набережной Куря – а вот и канатная дорога.

Взлетаем в новенькой стеклянной кабине над Курей – какая красота! Красночерепичные крыши малоэтажных домов на склонах. Купола церквей и соборов. Роскошная, щедрая южная зелень.

И вот мы рядом с древними камнями руин крепости Нарикала.

Точно неизвестно, когда она была построена. Оборонительные сооружения на этом месте возводились с пятого века. С седьмого века по одиннадцатый крепость принадлежала арабам, и они расширяли её и отстраивали. А потом Тбилиси стал столицей Грузинского царства, пережившего множество нашествий. Хазары. Монголы. Хорезмийцы. Тамерлан. Персы. Турки.

Есть версия, что название крепости дали монголы, и происходит оно от слов «нарин кала», то есть маленькая крепость.

Вообще-то она совсем не маленькая. Даже то, что от неё осталось, внушительного размера. А когда-то стены укреплений доходили до нынешней площади Свободы.

Чтобы полазить по руинам, нужно подниматься снизу пешком, на что у нас времени нет. Поэтому мы проходим по лесенке рядом с древними стенами, останавливаемся на смотровых площадках и рассматриваем город с высоты.

Знакомимся с парой нашего возраста. Очень приветливые. С большим удовольствием отвечают на наши вопросы. А вопросы есть. Ну, скажем, Сионский собор, Метехский собор и конную статую царя Вахтанга мы сами узнаём по фотографиям в Интернете. А вот что это за авангардистское сооружение с грибовидными крышами? «Это детский развлекательный центр». Понятно. А это что за две трубы? «А это не трубы, это здание МВД».

Видя наше удивление, поясняют: «Саакашвили велел, чтобы все здания, где размещается полиция, по всей стране, были прозрачными. Чтобы все могли видеть, как они работают. И в полиции теперь нет коррупции. Преступность резко сократилась. Теперь в Тбилиси можно бросить открытой машину с ключом в замке зажигания и прийти хоть через месяц – никто не угонит».

Ну, эту фразу (про машину с ключом) мы уже слышали в передаче про Тбилиси. Видно, это один из лозунгов, которые все повторяют. Насколько это правда, спросим потом у Зазы, когда поближе познакомимся.

Тем временем пейзаж перед нами окрашивается в оранжево-розовые цвета заката, а это означает, что пора спускаться вниз и искать ресторан, где мы поужинаем. Несмотря на то, что это центр города, поиски занимают некоторое время. Хочется попробовать именно грузинскую кухню.

Но хорошие рестораны с грузинской кухней переполнены (суббота же!), останавливаемся в ресторане для туристов. Официант честно предупреждает, что хинкали у них не самые лучшие. Ну и ладно. Зато лаваш свежеспечённый, а какие помидоры в салате! Самые вкусные и красивые помидоры из всех, что я в своей жизни ела. (Они, кстати, во всей Грузии такие).

Главное-то – вино. Официант порекомендовал «Мукузани» 2001 года. Бережно, с уважением, перелил его в колбу-декантер. Вино необычное, непривычного для нас вкуса. Но, действительно, интересное.

(Надо сказать, что это был единственный раз за всю поездку, когда мы пили дорогое вино и были в дорогом ресторане).

...В городе зажглись фонари и разноцветная подсветка набережной, а нам пора спать – по новосибирскому времени уже 12 ночи, а встали-то мы в три утра. Завтра начинается наше путешествие.

Первый день, Кахетия

По плану Кобы:

1 сентября: Тбилиси – направление в Кахетию через перевал Гомбори – Телави – собор Гречи – монастырь Некреси – винный завод Киндзмараули с экскурсией по заводу и дегустацией – монастырь Шуамта – Тбилиси.

Заза приехал ровно к восьми часам, загрузил нас в свою машину, и мы поехали в Кахетию – это край на востоке Грузии, где находится знаменитая своими виноградниками Алазанская долина.

Заза – кахетинец. Грузины, оказывается, делятся на этнические группы, которых штук 20. Каждый грузин – не просто грузин, а картлиец, мегрел, сван, имеретинец, кахетинец... И это не просто название по месту проживания, а свой диалект языка, свои обычаи. Большая часть анекдотов – про национальные особенности: «Как-то продал кахетинец своего ишака свану...» и так далее.

Так вот, несмотря на то, что Заза живёт в Тбилиси и женат на осетинке, ощущает он себя кахетинцем. Поэтому Кахетию он показывает нам с особой любовью. Даже изменил маршрут, предписанный Кобой, чтобы объехать как можно больше.

И начинает он с вида Алазанской долины, расчерченной четырёхугольниками полей и виноградников.

Эта длинная равнина окружена со всех сторон горами и холмами. Мы останавливаемся пофотографировать. «Правда же, красиво?» – спрашивает Заза. Мы уже поняли, что если уж тебе что-то нравится, нужно обязательно говорить вслух, а то он начинает переживать и расстраиваться.

Потом он привозит нас в монастырь святой Нины, программой не предусмотренный. Святая Нина – это не какая-нибудь рядовая святая, эта женщина принесла в Грузию христианскую религию.

Нина родилась в Каппадокии, во время гонений на христиан убежала в Армению, а оттуда – в Грузию, в тогдашнюю столицу Мцхету, где поселилась у царского садовника и начала проповедовать. Тогдашнему царю сначала это не особенно понравилось, но потом то ли ему

знамение было, то ли жена убедила, только он перешёл в христианство и сам, и всю страну окрестил, выписав из-за границы священников.

А было это – на минуточку! – в 326 или в 327 году. Даже в Риме христианство ещё не стало официальной религией, был разве что издан эдикт о свободе веры. Христианской была только соседняя Армения. До крещения Руси оставалось ещё шестьсот с лишним лет, да что там – Киевской Руси ещё и в проекте-то не было.

Мы гуляем по ухоженному монастырю. На его территории есть древний храм чуть ли не шестого века, то есть его руины. Но туда по какой-то причине не пускают. Зато из монастыря открывается великолепный вид на Алазанскую долину.

Следующим пунктом, тоже не из программы, был маленький прелестный городок Сигнахи. Аккуратные домики с одинаковыми красными крышами уютно расположились на крутом склоне. Между ними взлетают вверх и ныряют вниз узкие мощёные улицы, по которым еле протискивается наш минивэн. В атмосфере городка есть что-то навевающее воспоминания об Италии.

Но в то же время почему-то он кажется игрушечным, ненастоящим. Заза объясняет: Саакашвили очень любил этот город, хотел, чтобы он стал туристическим центром и вложил много денег в ремонт и строительство. Вот оно что.

У Сигнахи есть своя крепостная стена. Но она расположена далеко за пределами города и извивается в холмах «посреди нигде», как её Великая Китайская сестра. Почему и зачем её так построили – непонятно. Причём строили совсем недавно (по грузинским масштабам) – в восемнадцатом веке.

Мы идём по стене, поднимаясь на сторожевые башни, которые выглядят древними, но прекрасно сохранившимися (на самом-то деле они просто «молодые»). Под нами снова Алазанская долина. И сейчас мы туда спустимся – у нас будет поход на винзавод.

Не то чтобы мы с вожделием предвкушали дегустацию. У нас сложное отношение к грузинским винам. Да, когда-то давно, в студенчестве, названия «Киндзмараули», «Хванчкара» и «Алазанская долина» звучали, как музыка. И их вкус казался тогда волшебным.

Эти вина не сухие, а полусладкие, причём природно-полусладкие. Они делаются из сладкого винограда и бродят при низкой температуре, чтобы дрожжевые бактерии не пожрали весь сахар и не превратили его в спирт.

Но молодость была давно, и нам уже не нравится сладкий вкус вина. Мы пьём только сухие вина. Были, были в те далёкие времена и такие – «Саперави», «Мукузани», «Телиани», «Цинандали», «Гурджаани». Из дешёвых – «Вазисубани» и «Эрети». Но с тех пор прошло много лет, мы успели попробовать вина французские, итальянские, испанские, австралийские, чилийские... И грузинские вина, время от времени появлявшиеся на столе, восторга уже не вызывали.

Тем не менее посмотреть процесс производства интересно. Винзаводов в Кахетии полно, и мы заезжаем в один из них.

Персонала практически нет. Молодой человек, который исполняет функции гида, поясняет: «Виноград подвозили всю ночь, только что закончили переработку».

Вот сюда заезжает грузовик с виноградом, здесь давящий пресс, тут виноградный сок в цистернах стоит на улице –

недолго, потом его по трубам перекачивают в более прохладное место.

А вот здесь лаборатория, где привезённый виноград исследуется на сахаристость и ещё что-то там, и определяется, на что он пойдёт – на сухое вино, на «Киндзмараули» или на коньяк.

Ну и наконец, нам предлагают попробовать вино. Полусладкое, как и ожидалось, нам не нравится. «Цинандали» – тоже. Кислое и тёплое. Если бы его охладили, можно было бы что-то понять.

«Саперави» – нет. «Мукузани» – так себе. Вчера в ресторане было на порядок лучше.

Тогда молодой человек выносит нам бутылку старого «Мукузани», 2001 года. Вот это уже можно пить.

Качество вина в Грузии очень сильно зависит от винарней. Думаю, что эта просто была не очень хорошая.

Гид говорит: «Мы экспортируем вино в Европу, но можем там рассчитывать только на самую низкую ценовую нишу. Оно слишком непривычно для европейца».

Да, кахетинская технология производства вина отличается от европейской, и виноград тоже отличается. В защиту грузинского вина могу сказать, что полезных веществ (всяких там полифенолов) в нём больше.

В магазине при винарне мы для порядка покупаем того «Мукузани», что нам понравилось больше всего, чтобы увезти в Новосибирск. Заза обещал всё это вино оставить у себя дома, пока мы путешествуем.

А мы едем дальше, в монастырь Некреси, который находится высоко на горе над Алазанской долиной. Вообще все храмы и монастыри в Грузии построены на горах, и на машине, как правило, ко входу не подъехать. Обычно подниматься в гору нужно пешком, и при тридцатиградусной жаре это непросто. Но в Некреси есть местный автобусик, который курсирует с нижней площадки до входа в монастырь за небольшую денежку.

Монастырь Некреси был основан в 6 веке, но на его территории есть маленький храм, датируемый 4 веком, чуть ли не самый древний сохранившийся христианский храм Грузии. Остальные строения – 8, 9 века, а самая «молодая» башня возведена в 15 веке.

В древности монастырь был частью

города Некреси, от которого ничего не осталось. Город часто подвергался нападениям и осадам. Существует легенда, что монахи во время одного из нашествий мусульман обложили стены тушами свиней, и завоеватели не вошли туда, чтобы избежать скверны.

И с тех пор на праздниках шашлыки делают только из свинины. А вообще-то в Грузии чаще едят шашлыки из говядины. Что лучше, вопрос спорный.

В церкви Пресвятой Девы 8 века есть интересные фрески (более поздние, чем сама церковь, но всё же очень старые).

И ещё одно забавное помещение – винохранилище, или, как оно здесь называется, марани. В нём отверстия для кувшинов. Эти кувшины называются кевври, они используются для приготовления и хранения вина.

Ещё несколько кевври можно увидеть в монастырском саду.

...Следующая остановка – замок Греми. Греми – это тоже древний город, и тоже уже не существует. От него остался только этот замок на горе, который хорошо виден с трассы. Он считается главной достопримечательностью Кахетии.

Собственно, замок – это неправильное название. На самом деле это тоже храмовый комплекс, а теперь здесь есть ещё и действующий монастырь. Комплекс построен в 16 веке, то есть, по местным меркам, недавно.

Вот только никакого автобусика от парковки до вершины не предусмотрено. Приходится ползти наверх самостоятельно.

После осмотра замка мы едем в Телави – центр Кахетии. Проезжаем мимо аэропорта, в котором снимался эпизод из «Мимино». И вообще, город Телави был известен на весь Советский Союз благодаря этому фильму.

В Телави был забавный момент. Мы зашли пообедать в ресторан, и Заза, поговорив с официантом, со вздохом нам сказал: «У них нет вина. Только в бутылках».

Собственно, мы и собирались брать бутылку, а в чём проблема-то? Оказывается, у них нет собственного, домашнего вина. И это неправильно.

«Цинандали», оказывается, очень неплохое вино, если его охладить. Но Заза недоволен – вино должно быть домашним. Сам он, например, всегда делает вино. Для этого закупает по осени шестьсот килограммов винограда. На настоящем грузинском застолье не должны стоять бутылки на столе. Только кувшины со своим вином.

И он приглашает нас на местный рынок. Чтобы купить настоящего домашнего кахетинского вина, а то, что же мы будем пить, когда приедем в Сванетию? Сваны-то просто никакие виноделы.

На рынке я покупаю грузинские специи. Отчасти из вежливости, чтобы не огорчать Зазу, отчасти из практических соображений. А вот вино мы даже из вежливости покупать не стали.

Домашнее вино продаётся пятилитровыми пластиковыми бутылками за совершенно смешные деньги. Красное – безумно кислое. Белое... Ну, во-первых, оно не белое, а мутновато-жёлтое, по виду больше похожее на пиво. Во-вторых, по вкусу оно напоминает забродивший компот.

Лучше уж ничего не пить. Но Заза сказал, что тогда в Сванетию он возьмёт своё вино, раз уж нам здесь ничего не понравилось.

Потом мы ещё некоторое время гуляем по Телави, фотографируем огромный древний дуб, а потом – обратно, в Тбилиси, через перевал Гомбори (высота около 1600 метров). Сегодня был очень насыщенный день.

В Тбилиси мы приезжаем в семь часов – ещё рано! И Заза решает показать нам Храм Святой Троицы. Мы видели этот огромный собор со смотровой площадки.

Этот храм – новодел, службы в нём начались в 2002 году. Поскольку христианские храмы интересуют нас скорее с исторической точки зрения, а не с религиозной, вряд ли мы сами туда бы пошли. Однако там представился случай послушать церковное пение, и это было здорово. Грузинская церковная музыка очень красивая.

А вот чем ещё новые храмы выгодно отличаются от старинных: всегда можно найти точку для фотографирования, где храм помещается в кадр целиком, причём в самом выигрышном виде.

...Вечером прошлись по проспекту Руставели – совсем немного, потому что не хотелось ни ужинать, ни гулять. Свалились в постель и уснули. Завтра тоже рано вставать.

Второй день, Казбеги

По плану Кобы:

2 сентября: Тбилиси – монастырь Джвари – крепость Ананури – горнолыжный курорт Гудаури – Крестовый перевал – источник минеральной воды – Степанцминда – подъём к церкви святой Троицы под вершиной Казбек – селение Натахтари. Ночевка в Натахтари, тут гостиница без питания, но рядом с гостиницей отличный ресторанчик, недорогой, но качественный, с живой музыкой, можете сладенько отметить день рождения.

Заза в восемь утра ждёт нас на улице у отеля, и мы едем навстречу новым впечатлениям.

На выезде из Тбилиси заправляемся. Заза просит нас выйти из машины – такой порядок. Мы удивляемся, но выходим. Ещё больше удивляемся, когда для заправки он открывает капот и подсоединяет куда-то рядом с мотором тонкий шланг. И только тогда до нас доходит, что это не бензин. Заправка – газовая.

Для нас это, конечно, экзотика. А здесь большинство машин ездят на газе, потому что это раза в два дешевле. И переделка машины стоит копейки. В машине, заправляющейся по соседству, в багажнике лежит обычный кухонный баллон (в Зазиной машине он куда-то спрятан, поэтому мы и не заметили). А в автобусе таких баллонов штук пять.

Впрочем, бензином тоже нужно заправиться. Заза объясняет: «Сегодня мы будем ездить по горам, там лучше на бензине.»

Заза водит машину так, что у меня душа то и дело уходит в пятки. Обгоняет очередную машину, когда встречная совсем близко. И, поскольку я сижу слева, мне кажется, что мы вот-вот столкнёмся. Но нет, расходимся буквально в метре. Я перевожу дух, но только на минуту – до следующего обгона. Заза смеётся: «Если мы не будем обгонять, никуда не успеем.»

А успеть сегодня нужно много. Первая остановка – храм Джвари, который стоит на горе над городом Мцхета. На этой горе святая Нина установила самый первый крест. А со временем (в конце шестого века) был построен этот храм.

С точки зрения храмовой архитектуры он очень интересный, потому что построен в форме тетраконха.

Вот он, тот самый тетраконх. В переводе – «четыре раковины». То есть в плане это – крест с сильно закруглёнными концами. Храмы такого типа в Грузии начали строить именно в шестом веке.

Во время одного из многочисленных нашествий мусульмане сожгли всё, что было в храме, а деревянный крест куда-то увезли. Однако храм восстановили, и он всё время был действующим. А вот от монастыря остались развалины. Хотя монахи здесь есть. Их кельи у подножия горы.

Внутри храма есть одна любопытная деталь: посередине стоит камень, прикрытый какой-то тканью. А на нём – деревянный крест. Говорят, что это каменное возвышение древнее самого храма, и именно оно было гнездом для того, самого первого, креста.

Мы выходим на смотровую площадку. Внизу великолепный пейзаж: сливаются две реки, Арагва и Кура. На этом месте все цитируют начало «Мцыри»:

«Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь.»

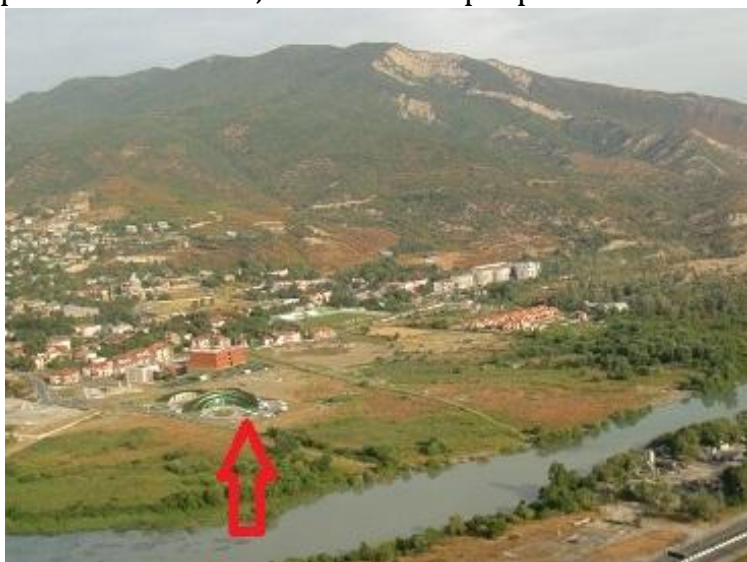

Кстати, «Мцыри» - грузинское слово, обозначающее послушника монастыря. А Лермонтов вряд ли имел в виду именно этот монастырь, судя по дальнейшему описанию. Но всё равно красиво звучит.

А ещё отсюда, как на ладони, можно увидеть Мцхету – древнюю столицу Грузии. Я знаю, что там было бы очень интересно побывать, но нашей программой это не предусмотрено. Что ж, Кобе виднее. Жаль, конечно, но нельзя объять необъятное.

На окраине Мцхеты мы видим здание причудливой формы из зелёного стекла. Даже без объяснений понимаем, что это полиция.

Вообще, полицейский участок даже в самой маленькой деревне, будь он даже размером с автобусную остановку, непременно сделан из стекла. Этот общий принцип незыблем.

Рядом с Мцхетой – ровная прямая дорога. Это и есть Военно-Грузинская дорога, по которой мы поедем дальше, в горы.

Только надо заехать ещё в крепость Ананури, которая стоит прямо на этой дороге.

Точно неизвестно, когда она построена. Когда-то замок охранял узкое место долины над рекой, там проходила дорога. Сейчас эта дорога затоплена Жинвальским водохранилищем. А рядом с замком возвели в семнадцатом веке Успенский храм.

Мы рассматриваем резные каменные украшения храма на внешних стенах – крест и виноградную лозу. И старинные фрески внутри.

От крепости остались несколько башен наверху, а внизу лишь какие-то разрушенные строения и остатки крепостных стен.

В одну из башен можно вскарабкаться по шатающимся камням. В этой башне есть деревянные лестницы и перекрытия между этажами. Правда, некоторые брёвна перекрытий отсутствуют, и я немножко трушу, но всё-таки перехожу: очень уж хорош вид с верхней площадки на купола

храма на фоне водохранилища.

И новый мост на высоких опорах тоже радует глаз. Такие инженерные конструкции восхищают меня не меньше, чем старинные храмы.

Военно-Грузинская дорога, по которой мы едем, в некотором роде тоже историческая достопримечательность. Она была построена в конце восемнадцатого века русскими войсками и соединила Грузию с Россией. В России она заканчивается во Владикавказе.

По сути, это единственная дорога, по которой можно проехать из Грузии в Россию или наоборот. Потому что через Абхазию или Осетию, по понятным причинам, нельзя.

Да и Военно-Грузинская закрывалась на несколько лет (со стороны России) по политическим соображениям. Открылась снова в 2010 году.

Теперь контрольно-пропускной пункт иногда тоже бывает закрыт, но по другим причинам. В мае, например, был оползень. Две недели расчищали. И в конце августа тоже сошёл селевой поток в Дарьяльском ущелье. Такой мощный, что Терек изменил русло и подмыл основание дороги. Вроде бы плотно восстановили, но движение через КПП разрешили только в светлое время суток.

Чтобы грузовики не скапливались на границе, очереди из фур стоят на ровных участках дороги. Мы иногда объезжаем их по обочине, иногда стоим, пропуская встречный поток.

Фуры идут из Грузии, Армении и Турции. Для Армении, из-за сложных отношений с Азербайджаном, это практически единственная автомобильная дорога в Россию.

Когда дорога начинает подниматься в горы, становится понятно, почему фуры стоят так

далеко от границы. На обочине узкой горной дороги не постоишь.

А красота вокруг неопишечная. Солнце, горы, скалы, водопады, густая зелень по склонам. Взгляд иногда выхватывает старинные храмы и древние сторожевые башни высоко в горах.

Мы поднимаемся всё выше, и облака начинают потихоньку затягивать небо. Заза пожимает плечами: «Это горы, погода здесь непредсказуемая. Может, через полчаса будет светить солнце, может, дождь пойдёт, никто не угадает.»

Заза мчит с огромной скоростью и обгоняет даже на горном серпантине. Я каждый раз замираю: а вдруг сейчас из-за поворота вынырнет встречная? Но нет, каждый раз обходится. Что за шестое чувство подсказывает ему, когда можно обгонять?

В девяностые годы Заза гонял машины из Европы. За рулём пришлось провести много времени, и про европейские дороги ему есть что порассказать.

Но Военно-Грузинская – это не немецкий автобан. Иногда приходится останавливаться: идут ремонтные работы. На каких-то участках асфальт просто не держится, «плывёт». Их всё время чинят. Я пользуюсь остановкой, чтобы пофотографировать изгибы дороги сверху. Нельзя сказать, что хорошо получается – я знаю, что снимок нужно делать либо снизу, либо с противоположной стороны. Но всё равно снимаю...

Когда мы доезжаем до Гудаури, небо становится совершенно серым. Мы поднялись так высоко, что леса на горах уже нет, только трава, и оттого горы становятся похожими на поросшие мхом камни.

Горнолыжный посёлок Гудаури кажется вымершим. Никого, кроме строителей, не видно. Через несколько месяцев все пустые сейчас коттеджи будут заселены. Строители готовят посёлок к сезону.

Заза обещал нам здесь роскошную канатную дорогу над Гудаурской пропастью. Но она с сентября работает только по выходным, поэтому мы в Гудаури не задерживаемся и едем дальше, к Крестовому перевалу.

При строительстве дороги на перевале был установлен крест с указанием высоты – 2395 метров, оттого перевал и называется Крестовым. Рядом с этим местом сейчас большая смотровая площадка, на которой толпятся туристы с фотоаппаратами. Несколько бетонных полукругов с перилами нависают над пропастью. Они выглядят слегка потрёпанными временем и ненадёжными, поэтому я выхожу на них с некоторой опаской.

Впрочем, никто не боится. Я, как и все, фотографирую, понимая, что всё равно невозможно передать на снимке эту величественную красоту.

Рядом с площадкой (впрочем, как и на всех участках дороги, где может остановиться автомобиль) продают местные сувениры: вязаные носки, мохнатые шапки, вино, помидоры и чурчхелу. Чурчхела – это, как объясняет Заза, «грузинский сникерс». На ниточку нанизываются орехи и заливаются виноградным соком, смешанным с мукой. Иногда добавляется сок малины, иногда мёд. И всё это выглядит как колбаска – коричневая, жёлтая или красная.

В беспокойные времена грузинам приходилось бросать жилища и прятаться в горах. Тут-то и пригодились чурчхела, своеобразные консервы. Чурчхела калорийна, долго хранится и занимает мало места.

Я когда-то пробовала чурчхелу, и она запомнилась мне приторно-сладкой. Но сейчас она оказывается вполне приятной на вкус, и мы с Вовой с удовольствием съедаем пару чурчхел в машине на пути к Степанцминде, городку рядом с российской границей.

Но граница нас не интересует. Главная местная достопримечательность – храм Святой Троицы, по-грузински – «Цминда Самеба». Он находится в горах, на высоте 2170 метров. А рядом с ним – снежная вершина Казбека.

Снизу кажется, что храм очень далеко, и идти туда пешком – самоубийство. Но, во-первых, многие ходят, а во-вторых, на площади в Степанцминде очень легко нанять машину, которая тебя довезёт до храма за

какие-то 25 лари. Машины – «Нивы» и «Делики». Наш минивэн туда не проедет.

Храм построен в четырнадцатом веке, никаких особенных фресок, икон и прочих украшений там нет, но туристы туда валом валят.

Вот, например, один турист в девятнадцатом веке написал:

«Высоко над семьёю гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далёкий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!»

И этот турист был Александр Сергеевич Пушкин.

Сегодняшние туристы стихов не пишут, их заветная цель – сфотографировать храм на фоне Казбека.

Но сейчас это невозможно. Несмотря на то, что солнце снова ярко светит, Казбек плотно укутан облаками. Говорят, что вероятнее всего увидеть его утром, а сейчас уже вторая половина дня.

Впрочем, остальные горы очень живописные, хоть у них нет снежных вершин. И храм тоже вполне фотогеничный.

Мы возвращаемся вниз, к Зазе. У него для нас заготовлен ещё один пункт программы – поход к водопаду, небольшая прогулка. А то мы сидим целый день в машине, пора бы и размяться.

Ну, я бы не сказала, что мы не разминались. К каждому храму приходилось подниматься пешком, хотя бы немного. Но это не считается.

По просёлочной дороге в горах мы поднимаемся на машине, пока она ещё может проехать. А оттуда – пешком вверх.

«Да туда идти – пятнадцать минут!» – говорит Заза. Взглянув на меня, поправляется: «Ну – полчаса...».

Господи, да я, наверное, час буду карабкаться – я же вижу, как высоко этот водопад. Тропинка узкая, крутая, каменистая. Слева внизу – речка. Склон порос кустарником и деревьями, так что, если потеряешь равновесие, не убьёшься. Но всё равно мало не покажется.

Ох, грехи мои тяжкие, пьянство да обжорство. И камушки как-то предательски катятся вниз под ногами. И кажется, что я иду уже долго-долго.

Но и полчаса-то не прошло, а мы уже на плоской скале рядом с водопадом – и он действительно стоит того, чтобы сюда забираться. Здорово, что Заза нас сюда привёл – какая вокруг красота!

Однако пора возвращаться, нам ещё ехать и ехать.

Заза к концу пути выглядит совершенно вымотавшимся – проехали около четырёхсот километров, да ещё, в основном, по горной дороге. Он оставляет нас в маленьком, но очень приличном отеле на окраине городка Натахтари. Он виновато говорит: «Коба хотел, чтобы я тоже остался в Натахтари, но я ещё десять дней не увижу своих внуков. Мне хочется этот вечер провести с ними. А завтра я приеду сюда в восемь, как обычно».

Любовь Зазы к своим внукам совершенно безгранична. Несмотря на усталость, ехать в Тбилиси, только чтобы поддержать их ещё раз на руках! Но, как мы потом поняли, кавказские мужчины действительно очень привязаны к своим семьям и особенно к маленьким детям.

А мы идём в рекомендованный Кобой ресторан, чтобы отпраздновать мой день рождения. Усаживаемся за столик на улице. Здесь действительно очень мило – ручеёк, мостик, цветные лампочки.

А внутри ресторана – свадьба. Как любопытно! Наверное, настоящее грузинское застолье, с тостами и песнями. Мы по очереди встаём из-за стола и как бы случайно проходим мимо открытых окон.

Однако не видно, чтобы кто-то говорил тост. Все просто сидят за столами и разговаривают. Иногда, правда, со своих мест встают пять-шесть молодых мужчин и очень красиво поют по-грузински. Больше никакого национального колорита не видно, кроме разве костюма жениха. Но невеста – в обычном белом платье.

Мне очень хочется сфотографировать певцов. Но я обычно, перед тем, как снимать людей, обязательно спрашиваю разрешения. А тут мне даже просто взглянуть в окно неловко – получится, что я подсматриваю.

И тут, откуда ни возьмись, в ресторан вваливается толпа шумных и весёлых американцев. Они ведут себя непринуждённо, засовывают в окна свои фотоаппараты и беспрерывно щёлкают. И вроде бы никто из участников свадебного торжества не возражает, даже наоборот, улыбаются, руками машут.

Дай-ка тогда и я пойду, может, сфотографирую что-нибудь интересное.

Знакомлюсь с жизнерадостными американцами. Они из Нью-Орлеана. Страшно рады, что удалось посмотреть на настоящую грузинскую свадьбу.

Вот только к этому моменту начинается совершенно обычная дискотека. Молодёжь идёт танцевать... под современную русскую попсу довольно низкого пошиба.

Заза нам потом объяснит, что всё было – и тосты, и пение, только раньше. К восьми часам, когда мы пришли в ресторан, традиционная часть уже закончилась, а молодёжь – она и есть молодёжь, ей хочется попрыгать.

Смешно: на краю грузинской деревни американцы из Нью-Орлеана снимают, как на свадьбе пляшут под русскую попсытину, и думают, что это и есть национальная традиция...

Третий день, Уплисцихе, коттедж в Вардзии

По плану Кобы:

3 сентября: Натахтари – Гори – Уплисцихе – Боржоми, прогулка по парку Вардзия, ночевка в коттеджах у Володи со всеми удобствами, с двухразовым питанием.

Заза появляется около гостиницы в восемь утра, и мы едем в Гори.

Гори – совсем маленький и захолустный городок. Он довольно древний, но никаких исторических зданий и храмов не сохранилось, потому что Гори в 1920 году был полностью разрушен землетрясением.

И канул бы он в неизвестность, если бы там не родился отец народов Сталин. Историческое событие произошло в маленьком домике, где папа будущего вождя снимал комнату и подвал.

Этот домик аккуратно перенесли на центральную площадь, а над ним построили монументальное мраморное сооружение с колоннами. Рядом находится большое здание музея Сталина, его статуя («вождь в молодости») и бронированный вагон, в котором он ездил на Ялтинскую и Тегеранскую конференции.

Вот что интересно: Грузия изо всех сил старается отряхнуть с ног прах своего советского прошлого. В Тбилиси, например, мы проходили мимо «Музея Советской оккупации». А вот Сталиным даже как будто гордятся, судя по великолепию музейного комплекса в Гори.

Мы дипломатично не обсуждаем эту тему с Зазой.

Музей ещё закрыт – мы приехали слишком рано, и Заза предлагает подождать, впрочем, не особенно настаивая. Но мы в любом случае туда не собирались.

Лично меня новая история интересует очень мало – то ли дело древняя. И удовлетворить свой интерес мне предстоит совсем скоро: на очереди экскурсия в пещерный город Уплисцихе. Я уже года три мечтала там побывать – с тех пор, как мы не отгадали это название в кроссворде с фрагментами из «Науки и жизни».

Первые сооружения Уплисцихе появились три тысячи лет назад. В четвёртом веке до нашей эры он стал городом. Причём, как сейчас доказано, не просто жилым городом, а религиозным центром. Языческим, разумеется. Там поклонялись обычному набору божеств – Солнца, воды, подземелья, земли и т. д.

В четвёртом веке нашей эры в Грузию пришло христианство, и Уплисцихе стал последним оплотом язычества, отчаянно сопротивляясь новой религии. Но, в конце концов, жрецов казнили, их пещерные храмы частично разрушили, а частично приспособили под христианские базилики.

В девятом веке в Грузию пришли арабы, и Уплисцихе стал временной резиденцией грузинских царей, превратившись в крепость. Впрочем, город всё равно переходил из рук в руки.

В четырнадцатом веке город разрушили монголы, но жизнь там теплилась вплоть до восемнадцатого века.

Каково было археологам восстанавливать по крупицам историю этих руин, когда за много столетий город перестраивали, надстраивали и в конце концов разрушили?

Вот он, уже показался на противоположном берегу Куры. Бесформенная скала с зияющими дырками пещер.

Ещё довольно рано, и народу почти нет. Наш экскурсовод – маленькая немолодая женщина с яркими глазами и роскошным именем Медея. Это, кстати, распространённое в Грузии имя.

Медея ведёт нас наверх через древний тоннель по выдолбленным в скале ступеням. На первый взгляд невозможно разобраться в хаотично разбросанных ямах, отверстиях и углублениях. Но Медея начинает рассказывать, и вдруг понимаешь, что здесь нет ничего случайного, что каждая ямка, каждая дырочка имела когда-то своё назначение.

«Вот про эти глубокие ямы, которые прикрыты сейчас решётками, – говорит Медея, –

раньше думали, что это тюрьмы. Но они всегда расположены у входа в помещение. А археологи нашли в них кости животных, убитых особым образом. То есть здесь, скорее всего, совершали жертвоприношения».

«А эти углубления в виде ковшика, которые часто встречаются в помещениях, не что иное, как печи-тандыры. Такие и сейчас можно увидеть в Средней Азии.»

«Эти дырочки были выдолблены для того, чтобы вставлять туда деревянные опоры для перекрытий, перегородок, дверей.»

Некоторые залы-пещеры тщательно украшены – явно какие-то царские апартаменты. Один из залов даже называется «Зал царицы Тамары», хотя нет никаких свидетельств, что знаменитая царица там бывала.

Что за странное сооружение со множеством маленьких ячеек! Оно условно называется «Аптека» на основании того, что там были найдены остатки засушенных лекарственных растений. На самом деле о функциональном назначении многих найденных объектов можно только строить предположения. И это самое интересное.

Мы выходим вместе с Медеей к остаткам крепостной стены. Отсюда открывается вид на Куру и небольшое поселение на другом берегу. В эту деревеньку переселили людей со склонов горы, когда начались раскопки.

Кстати, в античности люди видели совсем другой пейзаж. Кура за прошедшие с тех пор столетия изменила русло.

...С сожалением прощаемся с Медеей. Не часто можно встретить такого хорошего гида.

Но мы едем дальше. Позавчера была Кахетия, вчера – Казбеги, сегодня – Картли. К району Картли относятся и Тбилиси, и Гори, и город, куда мы сейчас едем, – Боржоми.

Вода «Боржоми» была очень известна в советские времена. Поговорка ещё была: «Поздно, доктор, пить «Боржоми»...».

Как только началось обострение отношений с Грузией, вода перестала соответствовать санитарным стандартам Российской Федерации. А в прошлом году волшебным образом снова стала соответствовать, не изменив химического состава. Теперь по телевизору всё время звучит реклама: «Боржоми – вода с вулканических глубин Грузии!»

Это правда. «Боржоми» – вода не родниковая. Её добывают из скважин примерно километровой глубины, и на территории Боржомского национального парка таких скважин с десятком.

Город Боржоми расположен в ущелье, по которому протекает Кура. Мы идём от того места, где удалось припарковаться, по центральной улице. Слева-справа здания самых причудливых форм, некоторые из них похожи на игрушечные замки. Немножко напоминает Карловы Вары,

только в уменьшенную величину.

На маленькой центральной площади из краника течёт боржомская вода, которую совершенно бесплатно можно набрать в бутылку. И несколько человек стоит в очереди с канистрами и прочими ёмкостями. У нас ничего нет – Вова в очередном хозяйственном порыве выбросил из машины все пустые пластиковые бутылочки.

Но в нескольких ларьках напротив висят

большие связки двухлитровых бутылей, издавна напоминающих воздушные шары. Так что с тарой проблем нет. Кроме того, здесь продаются интересные местные продукты – варенье из шишек и какая-то пыльца в баночках. Заа объясняет: тут растут особенные сосны, и, когда наступает пора цветения, всё вокруг покрывает пыльца. Она очень полезна при астме и болезнях лёгких. И варенье тоже целебное.

Интересно, что надписи в этих киосках, в основном, на русском языке. То есть «на воды» ездит народ из бывшего Советского Союза.

Вова, отстояв очередь, наливает воду в купленную бутылку. Но вода ему не

нравится: желтоватая, тёплая, невкусная и пахнет сероводородом. (Запах сероводорода выветрится только через день, и вода станет вполне приемлемой).

Заза относит воду в машину, и мы идём гулять в городской парк. Парк очень живописный – дорожка идёт среди леса, вокруг горы, река с хорошенькими мостиками, даже есть собственный водопад. Внутри парка есть ещё один парк, с детскими аттракционами. В общем, всё для мирного семейного отдыха.

Напоследок поднимаемся по канатной дороге полюбоваться видом Боржоми. Оказывается, он довольно длинный, вытянутый вдоль ущелья. Уютный, зелёный, тихий. Даже, пожалуй, слишком тихий для меня. Тут идеальное место для отдыха с маленькими детьми. Или для курса лечения.

Впрочем, мы же видели только маленький кусочек. Есть ещё боржомский национальный (не городской!) парк, и древние храмы, и исторические крепости.

Но нам пора в Вардзию, точнее, в загадочные «коттеджи у Володи», которые для нас заказал Коба. Заза не знает, что это такое, никогда там не был. Отсюда ехать километров семьдесят.

Вардзия – это, как и Уплисхихе, пещерный город. Но гораздо моложе, гораздо больше и гораздо лучше сохранившийся. Поскольку туда ехать далеко, а на экскурсию уходит много времени, разумно приезжать в Вардзию не на один день.

Поэтому в её окрестностях много небольших гостиниц и мотелей.

Мы проезжаем по ущелью мимо этих скромных приютов, иногда даже более чем скромных, с нарисованными от руки табличками. Наверное, и у нас будет такой же.

Но вот дорога кончается, упираясь в ворота, и мы видим название: «Volodya's cottages». Выходим из машины – и, о чудо! Роскошный сад с фруктовыми деревьями. Над мощёными дорожками шпалеры с вино-

градными лозами, с которых свисают тугие чёрные грозди.

И море цветов, от ромашек с подсолнухами до роз и георгинов. Цветы повсюду. И на огромной клумбе перед домом. И в керамических вазах вдоль дорожек. В подвешенных горизонтально металлических трубах с дырочками. Даже в старом бревне, которое как бы случайно валяется в траве, сделан продольный разрез, и там растут анютины глазки.

На стенах дома, где расположены комнаты для постояльцев, тоже в изобилии развешены цветочные горшки. Дом устроен по принципу мотеля: вход в номер с веранды, прихожей в комнате нет, обстановки минимум, но душ с сортиром есть. Сантехника новая, вообще всё чистенькое, а стены номера художественно отделаны камнем.

Дом построен практически вплотную к горе (мы ведь находимся в ущелье). И из маленького окошка в дальней стене можно, кажется, протянув руку, дотронуться до скалы.

Бросаем вещи в номере и идём обследовать дальше это райское местечко. Вот столовая, которая представляет собой навес над пятью-шестью длинными столами. Рядом с ней небольшой домик – это кухня, где уже суетятся повара. Скоро ужин.

Проходим несколько шагов, и перед нами спуск к Куре. На берегу несколько столов со скамейками. Присаживаемся.

У Зазы горят глаза – он рыбак, в машине лежит удочка, а тут такая возможность! Вова подливает масла в огонь: говорит, что только что видел плеснувшую рыбу. Но стремительно темнеет, и Заза вздыхает – если бы был фонарик... Начинает мечтать: завтра утром встану рано, пойду рыбачить. Потом отвезу вас в Вардзию, вернусь обратно, а вы мне

позвоните, когда надо будет забирать.

И сам над собой смеётся: «Я – сумасшедший рыбак. Это болезнь. Ни о чём другом думать не могу».

Однако уже можно идти на ужин. Нам приносят еду: свежий хлеб, помидоры, поджаренную на вертеле форель, хачапури. Заза достаёт пятилитровую бутылку со своим домашним вином. Наливаем в кувшин и ставим в холодильник. Холодильники типа тех, в которых продают воду и кока-колу, стоят рядом со столами. Там продукты, которые можно брать бесплатно, в том числе кувшинчики с мацони – это что-то типа простокваши. Но нам сейчас не до простокваши, мы сейчас пьём кое-что покрепче.

Зазино вино – это классическое грузинское домашнее вино. Которое не похоже на то, что разливают в бутылки и продают в магазине. Белое. Хотя на самом деле тёмно-жёлтого цвета. Вкус несколько непривычный, но к концу первого кувшина уже очень даже ничего.

В столовую вваливается жизнерадостная толпа туристов, человек тридцать. Они с шумом рассаживаются за четыре стола, начинают громко произносить тосты, весело выпивать и закусывать. По языку понимаю, что это поляки. Потом они хором начинают петь – одну песню, другую...

Мне немножко завидно. Народ всю веселится, а мы сидим на отшибе, как сиротки. Берём очередной кувшин с вином, стаканы и уходим за столик рядом с рекой. Мне тоже хочется петь, но, к сожалению, у меня нет компании – мужики-то совсем непоющие. С Вовой всё понятно, а Заза со смущением признаётся: «Совсем слуха нет. Ничего не получается. Вот Коба – тот поёт.»

Зато можно поговорить. Про жизнь, про семьи, про детей, про внуков. У Зазы двое детей – сын Александр и дочь Нина. Сын, несмотря на юный возраст, уже женат, и в результате Заза в сорок шесть лет стал счастливым обладателем двух внуков, полуторагодовалого Давида и двухмесячной Анны. Заза снова тает от нежности, говоря о малышах.

Вот уже и половина десятого, сегодня можно лечь пораньше. Кто-то утром пойдёт ловить рыбу, кто-то завтра поваляется в постели до завтрака. Надеюсь, ночью будет прохладно.

Только вот мы не догадались взять с собой на берег никакой закуски. Остатки нашего ужина давно унесли. А у меня внутри всё булькает, хоть бы корочку какую пожевать.

Проходим мимо весёлых поляков. Может, у них хлеба попросить, авось не прогонят? Нам, правда, по телевизору всё время рассказывают, что поляки нас не любят. Но и бог с ней, с любовью, корочки-то, поди, не жалко?

«Пане, дайте хлебушка...»

И понеслось.

Меня тут же усаживают за стол, пододвигают тарелку, откуда-то берут стакан, наливают вина и начинают знакомиться: Тереса... Сташек... Кристина... Агнешка... Матеуш... Анна-Мария... Из Варшавы... Из Люблина... Из Вроцлава...

По-русски говорит примерно половина из них, причём довольно хорошо, что меня удивляет. Они моложе меня лет на десять. А с Польшей мы поссорились, когда я была на первом курсе. То есть, по идее, в школе они не должны были проходить русский язык. Но спросить я постеснялась.

Песенные заводилы у них Сташек и Тереса, но вообще-то они все хорошо поют. Тереса вдруг спрашивает: «А ты знаешь песню «Вечер тихой песнею над рекой плывёт»?»

Я несколько обескураженно говорю, что да...

Нет, ну какова картина: вечер на берегу Куры, и я вместе с хором поляков пою про «слева кудри токаря, справа кузнеца»...

А теперь «Снова замерло всё до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь»!

Как говорил Велюров в «Покровских воротах»: «Заметьте, не я это предложил».

Потом поём по-польски (и я подхватываю припев), потом «Подмосковные вечера», и «Катюшу», и «Прощай, любимый город». Одна пожилая женщина просит спеть давно забытую «Называют меня некрасивою», но тут у меня прокол – не знаю слов.

Вова с Зазой сначала тихо курят в сторонке, явно надеясь, что активные поляки не обратят на них внимания. Не тут-то было. Их тоже вовлекают в общий хоровод – одну песню нужно было исполнять стоя, хором припевая что-то вроде «Хей! Хей!»

...Когда мы, наконец, расстаёмся с поляками, на часах половина двенадцатого. Вот так попросила хлебушка!

Четвёртый день, Вардзия

По плану Кобы:

4 сентября: Экскурсия по Вардзии – прогулка вокруг Вардзии – отдых – ночёвка там же.

Несмотря на то, что сегодня нет смысла рано вставать, просыпаемся ни свет, ни заря: привычка.

Вот что хорошо в здешнем домашнем вине: вроде и выпили страшно вспомнить сколько, а утром никаких последствий.

Выглянув в окно, вижу, как Заза с удочкой целеустремлённо идёт к берегу. Мы тоже выбираемся из номера, чтобы составить ему компанию.

Рыбка ловится не так чтобы большая – плотва длиной сантиметров 10–15. Но уж какая есть, ведь главное – это процесс.

Тем временем один из вчерашних поляков тоже выходит на берег, накрывает маленький столик белой скатёркой, кладёт на него какие-то предметы и Библию. Подходит монахиня (она тоже была вчера в компании) и помогает ему надеть белое облачение. Так это ксёндз!

Гуськом тянутся к берегу остальные, машут нам руками, выстраиваются в ряд, и начинается утренняя молитва. Что-то говорит ксёндз, что-то они хором повторяют вслух, а потом

начинают петь псалмы. По бодрости исполнения псалмы напоминают вчерашние песни, и я всё время жду припева «Хей! Хей!»

Заза и Вова сначала решили, что это какая-то секта. Но на самом деле они самые обычные польские католики. И даже вряд ли специально пригласили ксёндза в экскурсионную группу. Наверное, он поехал в путешествие, как обычный турист. Но уж раз так вышло, организовал богослужения для попутчиков. (Но это только моя гипотеза).

После завтрака и поляки в своём большом автобусе, и мы в своём личном автомобиле отправляемся в Вардзию.

Пещерный город Вардзия был построен по приказу знаменитой царицы Тамары в двенадцатом–тринадцатом веках. А самый первый храм был заложен при её отце. Сначала это был храмовый комплекс с монастырями, но потом Вардзия обросла жилыми и хозяйственными помещениями и превратилась в настоящий город. Он

располагался на двенадцати ярусах со множеством переходов, лестниц и галерей. Там

был даже водопровод. Вода поступала с соседних гор по керамическим трубам. В этом городе-крепости могли жить десятки тысяч людей. Ведь тогда область Вардзии была практически центром страны, здесь пересекались все основные торговые пути.

Но в конце тринадцатого века землетрясение обрушило верхние этажи и переднюю сторону города. После этого монастыри продолжали функционировать – до нашествия персов и турок, которые завершили превращение

Вардзии в руины.

Эти руины мы и видим теперь – вертикальный склон испещрён прямоугольными входами в помещения внутри горы.

Мы нанимаем гида из местных, и на его машине поднимаемся прямо ко входу в город. Заза неожиданно принимает решение ехать с нами: «Столько раз возил сюда людей, но сам так ни разу и не поднимался. Не знаю историю своей страны – плохо».

Гид, к сожалению, совсем не такой хороший, как Медея из Уплисхихе. Но, по крайней мере, он показывает нам ключевые места, до которых мы добирались бы неизвестно сколько – ведь здесь невероятное количество переходов и тоннелей.

В храме Успения Богородицы – фрески двенадцатого века. В том числе прижизненное изображение царицы Тамары рядом с её отцом Георгием. Таких изображений всего три, но это – самое раннее. Хотя вряд ли художник хотел добиться портретного сходства с оригиналом. По этой картинке трудно понять, как на самом деле выглядела царица.

Гид показывает нам вмурованную в скалу глиняную трубу, обмазанную известью – остатки водопровода. А вот интересно, как у них была устроена канализация? Как-то все об этом стыдливо умалчивают.

А ещё здесь есть источник, который называют «Слезам Тамары». В одной из пещер вода просачивается сквозь пористый камень и скапливается в небольшом бассейне. Вода

такого необычного происхождения, естественно, считается священной.

Гид отправляет нас в узкий тоннель с лестницами и ответвлениями, сказав, что сам пойдёт по внешней стороне. Вот если бы не было электрического освещения, в тоннеле было бы жутковато, особенно когда он вдруг разветвляется, и непонятно, куда идти дальше. Но мы (Вова) нашли правильное направление и всё же встретились с гидом на одной из верхних площадок. После чего гид объявил экскурсию законченной и предложил нам исследовать Вардизию самостоятельно.

Мы рассматриваем комнаты, пытаюсь угадать их предназначение. Вот уже знакомый нам тандыр, выдолбленный в полу, значит, это кухня. Помещение за ней с большим углублением – наверняка хранилище продуктов, а смежное с ним, с дырками для кувшинов – винный погреб.

А тут по бокам каменные лавки, в глубине – кресло или даже, может, трон. То ли столовая, то ли кабинет для совещаний. Но в глубине – комната, где из пола вырастает что-то вроде каменной широченной тахты. Неужели спальня? Жестковата постель-то! Вова авторитетно заявляет, что нужно накидать сюда шкур, ковров, и тогда можно спать. Мы с Зазой тоже включаемся в игру: сюда коврик повесим, здесь полочку приделаем, стены покрасим, а в эти дырочки вставим подсвечники. И будет уютненько.

Заза действительно интересно (я радуюсь, когда руины ещё кому-то, кроме меня, нравятся), и он бесстрашно взбирается на какую-то немыслимую древнюю каменную лестницу без перил. Зовёт: «Идите сюда! На это надо посмотреть!» Вова

поднимается легко, а у меня лестница вызывает недоверие. Хочется сачкануть, но

надо держать марку. И я, пыхтя, карабкаюсь наверх под палящим солнцем...

Здесь, кстати, есть и действующий монастырь. Доступ к нему перегорожен решёткой с надписями на трёх языках, в том числе по-русски: «Там, где монахи живут, не входить!» Мне снова интересно, как решена проблема канализации. И вентиляции, кстати. Но никого не спросишь.

Я устала от переходов вверх-вниз и от жары. Мы идём

вниз, к машине с благословенным кондиционером.

Заза везёт нас на осмотр следующей достопримечательности – это тоже храмовый пещерный комплекс, но поменьше и помоложе – всего лишь шестнадцатый век. Туда нужно ехать по просёлочной каменистой дороге. Машина метров через пятьдесят отказывается двигаться вперёд – пробуксовывает, и всё.

Тогда Заза бодро предлагает пройти до горы пешком. Ага, сначала по тридцатиградусной жаре пешком до горы, потом ещё в гору. И нигде ни травинки, ни деревца, чтобы отдохнуть в тени. Нет уж, поехали назад, в наш райский уголок. Там, кстати, ждёт рыбалка. И – всё, решено, едем отдыхать.

Вова отказывается от предложения половить рыбку, а я всё же делаю попытку. Правда, Заза не доверяет мне наживлять хлеб на крючок. Я должна только закидывать удочку, ждать, пока поплавок уйдёт вниз и вытаскивать. Но ждать не приходится. Поплавок уходит вниз, едва коснувшись воды, и основная задача – вытащить рыбёшку, не дав ей сорваться. Поймав таким образом за пять минут трёх крошечных рыбок, ухожу. Нет, я не рыбак.

Я лучше потом её почищу. А пока – чем бы заняться? Ага, вот в траве у берега валяются пакеты и пластиковые бутылки, брошенные туристами. Дай-ка приберу.

За этим занятием меня застаёт хозяин наших коттеджей, которого действительно зовут Владимир, Володя. Он выражает одобрение моему экологическому энтузиазму и спрашивает, откуда мы. Отвечаю, что из Новосибирска. Он уточняет: «Из Академгородка?» Удивляюсь такой осведомлённости. Объясняет, что, когда он учился в Тбилиском университете, ректором был Илья Несторович Векуа, который стоял у истоков Академгородка.

Не просто стоял у истоков, а был первым ректором Новосибирского университета, как я потом узнала.

Когда мы заказываем обед, хозяин подсаживается к нам поболтать. Ему на вид за шестьдесят. Этими «коттеджами» занялся недавно. Говорит, в сезон народу много. Принимает только иностранцев, и только тех, кто приезжает на своих машинах или автобусах. «Голодранцы мне здесь не нужны!»

По хозяйству здесь работают его сыновья и дочери. Владимир вздыхает: «Вот знаете, почему я вам, русским, завидую? У вас дети, как вырастут, стремятся жить

отдельно. А у нас – не выгонишь». Наш Заза вежливо молчит, но всем своим видом показывает, как он не согласен с хозяином. Он-то будет работать до упаду, пристраивать этажи к дому, только чтобы, не дай бог, дети с их семьями куда-нибудь не ушли.

После обеда Заза снова уходит ловить рыбу, Вова остаётся на берегу созерцать, как течёт река, а я вдруг решаю поплавать.

Кура на вид вполне чистая. Это потому что давно не было

дождей. Дождь с окрестных гор смывает в реку камешки и почву, и тогда река становится мутной. Кстати, непонятно, почему «Кура»? Ведь по-грузински название звучит совсем не так: «Мтквари».

Температура воды, по моим оценкам, градусов 20, а то и больше. Вовсе не холодная. И освежает отлично. Мелко, естественно, и течение сильное, но я научилась делать так: изо всех сил плывёшь против течения, а потом поворачиваешь и

съезжаешь, как с горки. Главное – по пути «туда» запомнить, где опасные камни, чтобы вовремя повернуть по дороге «обратно».

В таких нехитрых развлечениях и проходит день до вечера. Тем временем Заза наловил уже около ста рыбёшек, и мы их дружно чистим. Потом девушки с кухни выдают мне здоровенную сковородку, масло, муку и соль. И я иду жарить рыбу.

Рыбы – хоть она и микроскопической величины – получается всё же две больших миски с горкой. Понятно, что одним нам не съесть. Угостим поляков, вот они уже садятся ужинать.

Поляки торжественно принимают угощение. Один из них встаёт и произносит тост в честь рыбака (Зазы), поварахи (меня) и группы моральной поддержки (Вовы). Потом они все встают, поворачиваются к нам и с бокалами в руках поют нам «Столу». «Стола» – это такое песенное пожелание жить сто лет. Там есть что-то типа: «живи сто лет, если не хочешь сто – живи сто пятьдесят».

Минут через десять Тереса с Кристиной кричат: «Лена! Лена! Иди к нам! Пусть твои мужчины поговорят между собой!»

У нас с поляками сегодня вечер Окуджавы. Первое, что меня спрашивает Сташек: ««Молитву Франсуа Вийона» знаешь?»

Ну а как же. Недавно пели на базе у костра, тогда и слова вспомнили. Поляки тоже знают слова – и «Виноградной косточки», и «Надежды маленького оркестрика». И по-русски, и по-польски.

А потом я решаю спеть «Прощание с Польшей». Одна, потому что больше никто не знает: «Мы школьники, Агнешка, и скоро перемена...»

Поляки растроганно слушают. Я в смущении прошу Сташека перевести хотя бы общий смысл тем, кто не понимает русский язык. Тогда один немолодой поляк, с трудом подбирая слова, говорит: «Не надо переводить. Я понимал. Ты сердцем поёшь».

Теперь уже я растрогана. Меня обнимает молодая монахиня, пожимает руку Сташек.

Примерно на этой сентиментальной ноте Заза с Вовой строго командуют мне, что пора идти спать. Завтра мы отсюда уезжаем.

Пятый день, Ахалцихе, Кутаиси

По плану Кобы:

5 сентября: Вардзия – Ахалцихе, осмотр крепости Рабат – крепость Хертвиси – перевал Рикоти-Кутаиси, ночёвка в Кутаиси в домашней гостинице с завтраком.

Утром поляки, помолившись и позавтракав, уезжают на своём автобусе путешествовать по Армении. (Кстати, там, наверное, тоже интересно и красиво). Обнимаемся и целуемся на прощание.

А мы с сожалением оставляем «Коттеджи» и едем на запад.

О крепости Рабат, которую нам предстоит увидеть, я читала много любопытного. Она была построена в шестнадцатом веке турками, которые захватили город Ахалцихе. Там разместились все религиозные и управленческие здания захватчиков. На территории крепости было позволено жить только мусульманам.

Потом, естественно, крепость была разрушена и долгое время представляла собой груду обломков. Но во время правления Саакашвили

её решили отреставрировать и вбухали в это предприятие огромную кучу денег.

Но вместо реставрации крепость и здания внутри неё практически возвели заново, заменив даже строительный материал. Дизайнеры и архитекторы отодвинули на второй план историков и археологов.

Вечная проблема – что для исторического памятника лучше? Консервация? Реставрация? Восстановление в первоначальном виде? Или, как здесь, постройка нового памятника в соответствии со своими представлениями о прекрасном?

Мы входим на территорию новенького, с иголочки, комплекса крепости. В нижней части расположены всякие магазинчики и кафе. Поскольку ещё рано, посетителей, кроме нас, нет. Кафе уже работает, но кофе, как ни прискорбно, нам предложить не могут. Тоже мне, турецкая крепость – а где же турецкий кофе?

Верхняя часть – музейная. Там музей, мечеть, беседка с фонтаном, галерея в мавританском стиле (ну, это точно фантазия дизайнеров) и замок. Мы поднимаемся на верхнюю башню

замка. Сверху это больше всего похоже на макеты, которые обычно ставят возле археологических памятников, чтобы показать, «как это выглядело раньше».

У мечети золотой купол. Это тоже, как говорят, придумано дизайнерами, чтобы напоминало Иерусалим. Ну да, сверху похоже на мечеть Омара, никакой другой златоверхой мечети я не знаю.

Особенно восхищают аккуратные газоны и художественно подстриженные деревья, как возле какого-нибудь европейского дворца.

По музею мы пробежались, там ничего особенно стоящего внимания нет. Зашли и в мечеть. Внутри нет никакой отделки, и нет вообще ничего, указывающего на назначение здания. Вова недоумевает: если это мечеть, где же помещение для омовения ног? И для складывания обуви?

Не нужно здесь ничего этого, это же просто модель в натуральную величину, мелкие детали можно и опустить.

У меня вертится в голове какая-то смутная ассоциация, никак не могу вспомнить... И только потом, уже когда мы едем в машине по направлению к Кутаиси, меня осеняет: конечно же, «Солярис»! Застёжка-молния, которой не было на платье созданной Океаном жены главного героя.

...Монастырь Гелати, который идёт следующим пунктом нашей программы, настоящий и подлинный, в отличие от крепости Рабат. Главная его церковь (Рождества Богородицы) была построена по приказу одного из самых уважаемых правителей Грузии, Давида Строителя.

Давид Строитель завещал похоронить себя на территории монастыря, и не где-нибудь, а под аркой ворот, чтобы каждый входящий попирал могилу ногами.

Экскурсовод показывает нам эту древнюю плиту. Сейчас, правда, эти ворота – не вход в монастырь, а отдельно стоящая арка.

Церковь Рождества Богородицы внутри вся расписана большими и яркими фресками и украшена красивыми мозаиками. Говорят, что здесь было ещё много произведений искусства, которые в советское время «ушли» в музеи, и не только грузинские.

Мне нравится здешний экскурсовод. Несмотря на то, что он пожилой и на вид больной, несмотря на то, что говорит он мало и, в общем-то, не очень складно. В нём есть главное – чувство причастности к тому, что он показывает.

Чувство гордости за своих предков, которые это построили.

Он нас ведёт в здание, первый этаж которого – огромная комната с каменными скамейками по бокам. Это – Гелатская Академия, научный и культурный центр Грузии эпохи Золотого века. Здесь занимались переводами, изучали античную философию, геометрию, музыку и астрономию.

Гид показывает нам древнюю обсерваторию на втором этаже. Хитро спрашивает: «А вы знаете, как днём наблюдать звёзды?» Вова, оказывается, знает. А я – нет. «Ну, это же очень просто!» Вот оно, устройство для наблюдения – длинный узкий колодец, со дна которого можно увидеть звёзды даже днём.

Что-то я всё равно плохо себе это представляю. Ну да ладно, им виднее.

Когда мы выходим из монастыря, Заза говорит мне: «Посмотри, тут по площади девчонка бегает и лопочет чего-то. Ты поговори с ней». Девчонка оказывается польской студенткой по имени Аня, она изучает здесь архитектуру. Пытается понять, будет ли автобус до Кутаиси. Но её вопросы на английском никто не понимает. Предлагаю ей поехать с нами. Заодно мы и нашего гида подвезём, он тоже не надеется на общественный транспорт.

В машине оказывается, что Аня вполне сносно говорит по-русски. Ну и зачем, спрашивается, она по-английски разговаривала?

...Кутаиси оказывается тихим провинциальным городом. Шикарный фонтан на центральной площади, старый парк, симпатичная набережная реки Риони.

Самый главный исторический памятник Кутаиси – Баграти, или собор Баграта. Он один из самых больших и старых (одиннадцатый век) в Грузии. Отреставрирован, точнее, восстановлен из руин совсем недавно. И зачем-то к нему пристроили наружный стеклянный лифт – не с фасада, конечно, а сбоку. Назначение его мы так и не поняли.

Заза привозит нас к собору, но сам почему-то туда не идёт. Хотя обычно в храмы заходит и ставит свечки. Заза – человек верующий, как, впрочем, подавляющее большинство грузин. С большим уважением относится к церквям. Проезжая мимо какого-нибудь храма, обязательно осеняет себя крестом.

Мы на религиозные темы не разговариваем. Я не хочу никаким образом задеть или обидеть Зазу.

На сегодня программа закончена, и мужчины принимают решение: купим пива (много), какой-нибудь к нему закуски и славно посидим. То есть меня ждёт безалкогольный вечер, поскольку я пива не пью.

Отель, в котором мы останавливаемся на ночь в Кутаиси, тоже выше всяких

похвал. Спасибо Кобе, который его заказал!

Это, собственно, не отель, а большой двухэтажный частный дом, который стоит на крутом склоне горы. На втором этаже номера для постояльцев с душами и кондиционерами. Завтрак – на первом этаже в гостиной-библиотеке, где старинная мебель, картины, фотографии, много книг по искусству. Хозяйка – очень приветливая и интеллигентная женщина с аристократическими манерами.

Мы устраиваемся на огромном балконе второго этажа. Перед нами роскошный вид на Кутаиси. Пьём – кто пиво, кто воду, – болтаем. Заза спрашивает меня: «Что тебе больше всего понравилось из того, что мы видели?» Сложный вопрос. Ну, наверное, Крестовый перевал – если говорить о природе. Заза улыбается: «Поедем в Сванетию, посмотрим, вспомнишь ли ты после этого про Крестовый перевал».

Сванетия! Мы там будем уже завтра! Мне немножко страшно. Выдержу ли я запланированные Кобой походы по горам? И с нашим Зазой, наверное, мы тоже расстанемся, а жаль! Мы к нему так привыкли! Он добрый, открытый, надёжный. С ним легко и комфортно. А каково будет путешествовать с Кобой, ещё неизвестно.

Заза говорит: «Коба – мой единственный и лучший друг. Вообще приятелей у меня много, но Коба – это совсем другое. Он как брат мне. Всегда придёт на помощь, что бы ни случилось». Я, конечно, Зазе верю, он просто так говорить не будет. А всё же тревожно.

Шестой день, переезд в Сванетию

По плану Кобы:

6 сентября: Кутаиси – пещеры Сатаплия со следами динозавров – пещера Прометейя на глубине 80 метров со сталактитами – переезд в Сванетию – Ингури ГЭС – Местия, ночёвка в гостевом доме с двухразовым питанием.

За завтраком обсуждаем планы и единогласно решаем не ехать в пещеры Сатаплия. Как я читала, там есть небольшая известняковая скала, где отпечатались цепочка следов динозавров (примерно сто миллионов лет назад). И если бы можно было заглянуть на пять минут, чтобы посмотреть на эту скалу, мы бы, конечно, съездили. Но это большой парк, туда можно попасть только с экскурсией, и всё удовольствие растянется на пару часов.

Так что едем сразу в пещеру Прометейя. Проезжаем город Цхалтубо. Название известно мне с советских времён – кажется, здесь был какой-то курорт.

Да, был, и мы видим этому подтверждение: вдоль дороги всё время попадаются заброшенные дома отдыха. Здания без окон, полуразрушенные заборы, заросшие газоны с какими-то гипсовыми обломками. Жалкие руины эпохи белых войлочных шляп, беседок с колоннами и профсоюзных путёвок.

До этих домов отдыха, наверное, просто не дошли пока руки.

Ведь и пещеру, куда мы едем, открыли довольно давно, в 1983 году, но как туристический объект она была оборудована только что. Пещерой Прометейя она была названа с лёгкой руки Саакашвили, который как-то связал с ней легенду о Прометее, прикованном к скале в горах Кавказа. Было не очень логично, зато красиво.

Раньше мы были в сталактитово-сталагмитовой пещере только в Израиле. Там тоже разноцветная подсветка, металлические лестницы с поручнями, обзорные площадки, но масштаб не тот – здешняя раз в десять больше.

В этой пещере шесть огромных залов, и каждый имеет название – зал Медеи, зал Ясона и т. д. Чтобы всё посмотреть, нужно пройти где-то полтора километра по лесенкам (даже подсчитано точное количество ступенек, но я забыла, сколько). Мне это теперь ничего не стоит. Перед этим я пять дней бегала, задыхаясь, вверх-вниз по разным достопримечательностям за двумя выносливыми мужиками. А теперь я в группе, в основном состоящей из женщин, иду в темпе медленной прогулки.

В одиночку в пещеру нельзя попасть, только с группой. Наша была большая – русскоязычная. Англоязычная, которая должна была идти за нами, куда скромнее.

Здесь прохладно, и это здорово. Несмотря на влажность, легко и приятно дышится. Гид объясняет, что в местном воздухе очень большой процент кислорода. Сюда, оказывается, даже приводят людей на сеансы лечения от лёгочных болезней.

В одном из залов, где показывают сталактит, напоминающий влюблённую пару (ну, при некоторой фантазии), оборудован столик для регистрации браков. Романтично.

Фотографировать здесь можно – без вспышки, конечно. Но без штатива получается плохо.

Самое печальное, что не удалось сфотографировать прогулку по подземной реке. Этим заканчивается экскурсия: к нам подъезжает эдакая гондола с электромотором, мы рассаживаемся по сиденьям, надеваем каски (чтобы с потолка пещеры чего-нибудь не капало и не свалилось) и едем. Свет здесь только от зелёного фонарика в носу лодки, сталактитов нет, потолок низкий.

Но всё равно здорово: лодка бесшумно скользит в тишине по

неподвижной воде. На реку, кстати, не похоже, скорее уж озеро. Вдруг впереди виден свет – и река-озеро каким-то фантастическим образом выводит нас из пещеры.

Сейчас нам предстоит долгий путь. Вчера Заза показывал нам, как мы поедем. От того места, где мы находимся, до Местии по карте вроде бы недалеко – строго на север. Однако дорога идёт сначала на запад до Зугдиди, а потом уже поворачивает на север, делая петлю.

В жарком и душном Зугдиди мы покупаем на рынке арбуз, дыню, восхитительный сладкий инжир зелёного цвета, сливы, персики. В Сванетии, объяснил Заза, это не растёт. Фрукты, которые привозят с юга, там тоже можно купить, но выбор меньше.

Дорога поднимается в горы, и вот она, граница Мегрелии и Сванетии – одинокая сванская башня. Про сванские башни я читала и видела их на фотографиях.

Эти башни строились в каждой большой сванской семье, и поэтому их довольно много в любой деревне. Практически все они построены по одному проекту. Стены у сванской башни почти вертикальны. А сверху башня ещё как будто накрыта плоской крышечкой с зубчиками.

Окон нет, только узкие длинные щели.

Построены они были давным-давно, последние – в тринадцатом веке. И до сих пор стоят. (Говорят, недавно на какое-то село сошла лавина. Дома разрушились, башни – нет.) Поскольку все давно забыли, для чего эти башни возводились, возникло несколько гипотез насчёт их функционального назначения. Хотя, конечно, естественно предположить, что они служили для оборонительных целей.

Нам ещё предстоит посмотреть на сванские башни поближе, а пока мы едем по дороге необыкновенной красоты (и неплохого качества, надо сказать).

Заза делает остановку около Ингурской ГЭС, чтобы мы могли пофотографировать и плотину, и водохранилище. Это действительно стоит того: плотина высотой 270 метров художественно вписана в зелёное ущелье, водохранилище с бирюзовой гладкой водой растекается среди мохнатых гор. Ингурская ГЭС – самая большая гидроэлектростанция на Кавказе. Она была построена при советской власти, но с тех пор порядком обветшала, и недавно была

целиком отремонтирована.

Наша дорога дальше идёт по живописному ущелью реки Ингури. Считаю тоннели. Заза не помнит, сколько их, девять или десять. Вроде бы хором считали, получилось девять. (А на обратном пути считали – десять). Хороша дорога. Тоже отремонтирована при Саакашвили.

Я говорю Зазе, что Саакашвили, столько понастроив в стране, наверное, заслужил любовь и уважение народа (в конце концов, какое дело грузинам до его внешней политики.)

Заза несколько сдержанно отвечает, что всё не так хорошо. Да, строил. Да, победил коррупцию. Но при этом пересажал в тюрьмы тьму народа. Чуть ли не в каждой семье кто-то был арестован. И иногда безвинно. А что построил – так это так и должно быть. Он же президент, значит, хозяин. А хозяин обязан наводить порядок. Так что же, хвалить его за то, что он просто исполнял свои обязанности?

Логично. Не будем хвалить Саакашвили. Похвалим дорожное покрытие.

Более или менее приличной дороги в Сванетию до двадцатого века не было. Была тропа, да и та большую часть года была закрыта из-за лавин и каменных обвалов. Сванетия существовала себе отдельно от внешнего мира с его потрясениями и переменами. Поэтому сваны сохраняли уклад своей жизни неизменным в течение столетий.

В детстве я читала книжку, в которой были собраны очерки о народах Советского Союза. Помню, что одна глава в ней называлась «Сванетия – страна света» («света» в смысле солнечного света). Тогда о географии у меня было смутное представление, я никак не связывала Сванетию с Грузией. Помню оттуда только словосочетание «вольные сваны». Попыталась на просторах Интернета отыскать этот

очерк, но нет, не получилось. Зато наткнулась на интереснейшее и подробное описание Сванетии из «Вестника Европы» конца девятнадцатого века, составленное русскими путешественниками Иванюковым и Ковалевским. Они восхищались красотой природы и удивлялись патриархальному образу жизни сванов, их отношению к религии, их древним обычаям.

Ну, теперь-то всё по-другому, конечно. Хотя, как говорят, некоторые традиции сохранены. Приедем – посмотрим.

А пока мы останавливаемся пообедать в придорожном рестораничке. Здесь нет шашлыков и хинкали. Правда, есть хачапури, а ещё – чисто сванское блюдо кубдари. Это тоже круглая лепёшка, только начинённая рубленным мясом со специями.

Мы запиваем кубдари (ох, как с голодухи-то хорошо, хотя блюдо, мягко говоря, не диетическое) местным белым вином. Заза пробует вино на язык, морщится: «Не может быть у сванов хорошего вина!»

Нам до Местии ехать ещё три часа, Заза звонит Кобе. Коба сейчас занят – он повёл в поход на водопады группу других гостей. Интересуюсь, что за гости. «Четверо украинцев», – отвечает Заза. Меня это не сильно радует. В Интернете украинские знакомые невероятно агрессивны. Во всех своих бедах обвиняют Россию. А я, как водится, всё воспринимаю на свой счёт.

И что в таких случаях делать? Говорить, что лично я ни в чём не виновата? Оправдываться? Унизительно. Дистанцироваться от собственной страны? Ругать Россию? Недостойно.

Вот только в отпуске мне этого не хватало. До мордобоя, конечно, дело не дойдёт, но настроение может испортиться.

От неприятных мыслей отвлекают великолепные пейзажи. Мы уже едем по Верхней Сванетии. Показались снежные вершины. И главная среди них – Ушба. Она не самая высокая гора на Кавказе, но для альпинистов самая сложная.

Ушбу мне потом не удастся сфотографировать. Всё время будет в облаках. Это она только один раз – сейчас – выглянула. Поздороваться, наверное.

И вот мы уже въезжаем в Местию. Этот посёлок – центр Верхней Сванетии. Надо сказать, что в Сванетии сложное административное деление. Деревни там объединяются в общины. Общин всего 16. Скорей всего, это отголосок прошлого, когда в каждой общине было своё самоуправление, что-то типа совета старейшин. Хотя Заза говорит, что такие советы существуют до сих пор, и авторитет их по-прежнему высок.

Дом длинный, двухэтажный, перед ним грушевый сад. Между деревьями мирно пасётся тёмно-рыжая корова. У входа, под большой грушей, уютный столик и скамеечка.

Первое, что бросается в глаза в Местии, даже не сванские башни. Это причудливо изогнутое, с зелёными стёклами здание. Ну, очевидно – полицейский участок.

А мы сворачиваем с шоссе и поднимаемся по просёлочной дороге, лавируя между изгородами, к дому, где мы теперь будем жить.

Заза знакомит нас с хозяйкой дома, тёщей Кобы. Говорит, называйте её Катей – она по паспорту Екатерина. Но сами зовут её Като.

Като выглядит как деревенская бабушка, рано состарившаяся и согнувшаяся от тяжёлого повседневного сельского труда. Но глаза у неё не потухшие, а умные и живые. Она приветливо с нами здоровается и отдаёт нас в руки Кесо. Кесо – это жена Кобы.

Кесо проводит нас на второй этаж, где будет теперь наша комната. На первом этаже живут хозяева: Като, её сын Каха с женой Нато и маленькой дочкой Марики. На втором этаже – постояльцы и семья Кобы. Семья Кобы живёт вообще-то в Тбилиси, но там сейчас страшная жара, и Кесо с младшим сыном приехала к матери в Местию.

В просторной комнате деревянные полы, старый шифоньер, тюлевые занавески и две пары кроватей – выбирай любые. Нормальная деревенская обстановка.

А вот туалет и душ на первом этаже – вполне современный, отделанный кафелем, с хорошей сантехникой и бойлером. И такой же есть на улице, тоже с

бойлером и душем. Так что проблем с помывкой не будет, а это для меня очень важно.

Но самое козырное место в доме – это балкон, или, точнее, терраса на втором этаже, куда выходят двери всех комнат. То есть не сама терраса, а вид, что с неё открывается. На Местию с её башнями, на горы с тёмно-зелёными лесами и снежными макушками, которые сейчас оранжево-розовые от заката. Какая красота! А дышится как легко! Местия расположена на высоте 1400 метров, вечером здесь прохладно. Вот они, виды с балкона:

Заза говорит, что Коба и украинцы приедут часов в девять. Кесо предлагает нам поужинать, но мы решаем подождать, а то как-то невежливо получится. Да и есть не сильно хочется.

У украинцев сегодня поход на водопады. И у нас в программе есть такой же. Неужели поход такой долгий? Ой, чует моё сердце, я не пройду, опозорюсь...

Но вот наконец-то у ворот начинается какая-то суета, слышны смех, возгласы... Приехали!

Встречаем, здороваемся, знакомимся.

Украинцы – это две семейные пары из-под Киева, Света с Олегом и Таня с Геноей. Весёлые, довольные и уставшие. Лет на десять моложе нас. Женщины меня утешили – хоть и долго идти до водопадов, но вполне по силам и мне тоже.

Коба – невысокий, лёгкий, пружинистый. На вид суровый и строгий. На всякий случай мы держимся поближе к Зазе.

Садимся ужинать. Ужин нам накрывают на большом столе, который стоит на балконе. Заза достаёт бутылку вина, которую он привёз с собой. Начинается застолье, в котором принимают участие и Коба, и Заза. Но больше никого из семьи за столом нет.

Коба ведёт застолье по грузинским правилам. Раньше мне представлялось это так: все по очереди произносят длинные тосты-импровизации в виде притч, которые заканчиваются остроумно и неожиданно: «Так выпьем же за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями!».

Так вот, это не так. Грузинские тосты больше напоминают молитвы, чем остроумные притчи.

Первый тост, как объяснил Коба, произносится «за высшего Бога». Второй – «за архангелов». Третий – «за святого Георгия». Тост, конечно, не состоит из двух-трёх слов. После формулировки следует расшифровка. Вот, например, «за святого Георгия». Поскольку этот святой Георгий – покровитель Грузии, можно во время этого тоста сказать о своей стране, пожелать ей благополучия и процветания. Или (в другой раз) сказать, что святой Георгий – олицетворение мужского начала. И выпить заодно за мужскую доблесть и честь.

Тосты может произносить только тамада. Если очень хочется выступить, нужно спросить у тамады разрешения.

За таким столом принято пить только вино. И не красное, как принято думать, а белое. Правда, белое домашнее вино (это мы уже знаем) может иметь любой цвет, хоть коричневый.

Мы с украинцами разговариваем пока сдержанно – приносиваемся друг к другу. Тему политических событий старательно обходим.

Они уезжают послезавтра утром. Мы приглашаем их завтра отметить вместе с нами Вовино шестидесятилетие.

Коба приносит бутылку дорогого коньяка – это подарок Вове к юбилею от его тещи, Като. Мы растроганы.

Около двенадцати ложимся спать. Украинцы с Кобой завтра идут в поход к леднику, а у нас своя программа. Нашим проводником завтра будет снова Заза, и мы рады, что он ещё один день будет с нами.